

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
КАМЕНЬ

Леонид Соловьев
Севастопольский камень

«ФТМ»

1944

Соловьев Л. В.

Севастопольский камень / Л. В. Соловьев — «ФТМ», 1944

ISBN 978-5-4467-0047-9

«...Далекий гул, что слышал ночью Прохор Матвеевич, трясаясь в кузове полуторатонки, возвестил о близости Севастополя: то ревели наши и немецкие пушки. Глухой и ровный гул шел, казалось, из самых недр земли, сотрясая ночь. Придерживаясь за крышу кабинки, Прохор Матвеевич встал и осмотрелся. Все было темно кругом, грузовик шел долиной. И еще много раз вставал Прохор Матвеевич, придерживаясь за крышу кабинки, и по-прежнему ничего не мог рассмотреть в темноте. Но когда машина, тяжело рыча, взобралась на подъем, он, и не вставая, увидел зарево – неровное полукольцо бледного, летуче-зыбкого света от оружейных залпов на фоне дымного багрового тумана.– Огня-то, огня! – сказал соседу Прохор Матвеевич. И с дрогнувшим сердцем услышал в ответ:– Горит Севастополь!.. ...»

ISBN 978-5-4467-0047-9

© Соловьев Л. В., 1944

© ФТМ, 1944

Содержание

| | |
|-----------------------------------|---|
| Легенда Черного моря | 5 |
| Дальнее плавание | 8 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 9 |

Леонид Соловьев

Севастопольский камень

Легенда Черного моря

Старый боцман Прохор Матвеевич Васюков считает себя коренным, природным севастопольцем и говорит об этом с гордостью. «Мой домишко на Корабельной стороне еще моего прадеда помнит! – говорит он. – Платан у меня растет во дворе – дедовской рукой посажен... В Севастополе с нашей васюковской фамилией трудно кому тягаться. Разве только вот Бирюковы да Варнашевы, а больше-то, пожалуй, таких фамилий и нет...»

Не один раз Прохору Матвеевичу приходилось покидать любимый свой город – уходил он из Севастополя на год, уходил и на два, ушел однажды на десять лет с лишним, но всегда и неизменно он возвращался, открывал знакомую калитку, и дедовский платан с приветственным, ласковым шумом стелил ему под ноги зыбкий, живой коврик тени.

В двадцатом году, закончив с Михаилом Васильевичем Фрунзе славный крымский поход, опять вернулся старый боцман в свой дом и поселился прочно, с твердым намерением никогда уж больше не покидать Севастополя. Судьба рассудила иначе: Севастополь занят немцами, а Прохор Матвеевич живет сейчас на кавказском берегу. Живет он здесь по временной прописке, хотя начальник милиции, уважая старика и желая избавить его от лишних хлопот и хождений, каждый раз при встрече предлагает ему прописаться на постоянно.

– Нет, – отвечает Прохор Матвеевич, – спасибо на добром слове, но только здесь у вас я в гостях, а настоящий мой дом – в Севастополе.

Упрямый старик! Он до сих пор не все свои чемоданы и узлы разобрал – так и сидит на них, готовый в любой день двинуться в обратный путь, к дому.

Однажды он сказал мне:

– Я как тот севастопольский камень, я на своем месте должен находиться. Ты об этом камне слышал?

– Нет, не слышал никогда, – признался я.

Старик помолчал, засопел, раздувая усы, потом с насмешливым и снисходительным пренебрежением заметил:

– Какой же ты есть черноморец? Об этом камне должен знать каждый. Может быть, он в руки тебе угодит – что ты с ним тогда будешь делать?

Так впервые узнал я от старого боцмана легенду о севастопольском камне – высокую и благородную легенду Черного моря. А потом я много раз слышал эту легенду от других моряков – и на кораблях, и на подводных лодках, и в блиндажах, и на батареях. Но самого камня – сколько я ни стремился – мне увидеть не удалось.

Рассказывают:

– ...Когда мы по приказу Верховного командования уходили из Севастополя, эвакуацию наших войск прикрывали части морской пехоты. Это были настоящие воины, самые лучшие, самые мужественные – это были герои. Они знали заранее, что им, последним, уже не уйти: сдерживая бешеный фашистский натиск, они дрались один против десяти, один против ста и не отдавали рубежей. Мы знаем, как выполнили они свой долг... Вечная слава героям!

Мы знаем и помним, как выполнили они свой долг!

Не следует думать, что все эти герои погибли. Часть прорвалась в горы, к партизанам, а некоторым даже удалось на плотках, на шлюпках и рыбацких яликах добраться до кавказского берега.

Уже пятый день плыла одна такая шлюпка по Черному морю, держа курс к далекому Туапсе. В шлюпке было четверо – все моряки. Один из них умирал, трое угрюмо молчали. Верные закону морской дружбы и чести, они не бросили товарища, сраженного на севастопольской улице разрывом снаряда, они подняли раненого и увезли с собой в море: пусть не хвастаются фашисты, что моряк-севастополец попал к ним в плен. Трое моряков сделали для спасения товарища все, что могли, но у них не было ни медикаментов, ни даже пресной воды. Не было и ни одного сухаря – они питались медузами... Раненому с каждым днем, с каждым часом становилось все хуже, теперь вот он умирал.

Когда его подняли там, в Севастополе (это было близ памятника «Погибшим кораблям»), то не заметили сначала, что в его руке зажат серый небольшой камень, отбитый снарядом от гранитного парапета набережной. Потом, уже в шлюпке, перевязывая товарища, моряки увидели камень и хотели бросить в море. Раненый хрипло сказал:

– Не трогайте. Севастопольский. В карман положите, во внутренний, чтобы на груди он был у меня...

Так, до последнего часа он и не расставался со своим камнем. Он умирал трудно, мучительно: бредил, стонал и непрерывно просил в забытых водах. Самый молодой перегнулся через борт и поймал большую, прозрачно-бледную, с оранжевым пояском медузу. Он оторвал кусок скользкой плазмы – больше ничего не мог он предложить своему умирающему другу. А солнце палило, жгло, кругом на сотни миль был синий знойный простор, и слепяще блестела спокойная гладь морской соленой воды. И умер моряк. Перед смертью сознание на несколько минут прояснилось – он отдал друзьям севастопольский камень и сказал так:

– У меня думка была: приду в Севастополь обратно, своей рукой положу этот камень на место, крепко впаяю на цемент, и тогда отдохнет мое сердце. А до тех пор буду носить его на груди – пусть он жжет меня, и тревожит, и не дает мне покоя ни днем ни ночью, покуда опять не увижу над родной Севастопольской бухтой наши советские вымпелы! Да нет, не судьба – смерть меня раньше настигла. Возьмите вы, друзья мои, черноморские товарищи, этот камень и храните свято. Мое вам последнее слово, мое завещание такое: «Он должен вернуться в Севастополь, этот камень, он должен быть положен на свое место, впаян на крепкий цемент и обязательно рукой моряка. А теперь – прощайте...»

К вечеру друзья предали его тело морским волнам. На шлюпке чугунных колосников нет, к ногам привязывать нечего, и он погрузился не сразу, долго еще он чернел и покачивался на воде, словно напоминая о своем завещании.

Камень перешел к одному из оставшихся в шлюпке – к самому старшему по годам и заслугам.

...Только на пятнадцатые сутки моряки услышали над собой гул мотора и увидели наш «МБР». Вскоре подошел вызванный легчиком катер, моряков доставили на берег, в госпиталь.

Когда их переодевали, сестра, принимая одежду, спросила, нет ли у кого особо ценных вещей: часов или денег, чтобы передать на хранение, под квитанцию. Самый старший протянул осколок гранита.

– Вот... передайте... Это севастопольский.

Сестра удивилась, но спорить не стала, и моряк получил квитанцию, в которой было написано: «Камень, серый, вес 270 г.».

Через три недели моряк вышел из госпиталя. Ему предложили поехать в отпуск, домой. Он ответил просьбой немедленно послать его на фронт, в морскую пехоту, на самый горячий и боевой участок. Просил настойчиво, неотступно и скоро уехал на фронт.

Он был снайпер. Счет его ежедневно пополнялся тремя, пятью, а иногда и семью убитыми немцами. Севастопольский камень был всегда с ним. Говорят, что, когда моряк, увидев гитлеровца, наводил свою снайперскую винтовку, камень начинал разогреваться и жечь его сердце; говорят, что тельняшка моряка даже подпалилась, пожелтела в том месте, где лежал

на его груди камень. Моряк не знал страха, не знал усталости, не знал промахов; каждое утро, еще затемно, уходил он в засаду и возвращался ночью. Он был молчалив, он просто показывал товарищам пустые гильзы. И они понимали: четыре гильзы – значит, четыре немца, шесть гильз – значит, шесть немцев. Гильзы эти он складывал в сундучок и по ним вел свой снайперский счет.

Два месяца служил он в той же части и приполз однажды из своей засады с немецкой пулей в груди. Когда он умер, друзья посчитали гильзы в его сундучке; их было триста одиннадцать. Эти гильзы особой посылкой были отправлены матери погибшего снайпера вместе со скорбным письмом.

А севастьяпольский камень перешел к моряку-разведчику, лихому, веселому паренюку, который ходил к немцам в тыл за «языками» так же легко и просто, как в собственный свой огород. Паренек этот даже ухитрился познакомиться в немецком тылу с одной нашей девушкой и, выполняя свои боевые задания, не упускал случая повидаться с нею. Командир части был немало смущен и растерян, когда однажды лучший его разведчик вернулся из немецкого тыла... с женой!.. Жену отправили куда-то в Сибирь, к родителям разведчика, ему дали, понятное дело, хороший нагоняй, но вскоре он искупил свою вину, притащив из разведки немецкого штабного майора.

А когда отправился разведчик, получив ранение, в госпиталь, камень перешел от него к одному связисту-моряку. Форменка связиста украсилась вскоре боевым орденом за то, что сумел он под страшным артиллерийским огнем на глазах у немцев найти обрыв провода и восстановить связь с нашими батареями.

Рассказывают, что потом был севастьяпольский камень у артиллеристов, был у пулеметчиков, причем считался принадлежащим всему расчету; попал, наконец, летчику-черноморцу.

В воздушном бою летчик огнем сбил три «юнкерса», а четвертый «юнкерс» из-за отсутствия патронов таранил и, сажая потом свою изуродованную машину, малость побился. Кому передал он камень перед отъездом в госпиталь, неизвестно: одни говорят, что камень опять попал к снайперу, другие уверяют, что камень нынче на подводной лодке, третьи клянутся, что видели камень у морских летчиков – они будто бы решили не выпускать его из своих рук и доставить в Севастополь по воздуху первым же самолетом... У кого бы он ни был, этот камень, – у подводников, у артиллеристов или у летчиков – мы можем не беспокоиться за него: он в крепких, надежных руках!

А если вы захотите посмотреть этот камень – поезжайте после войны в Севастополь. На Корабельной стороне вы легко разыщете боцмана Прохора Матвеевича Васюкова, его все знают. Старик проводит вас на набережную, и там, неподалеку от памятника «Погибшим кораблям», вы увидите камень – он будет лежать на своем месте, крепко впаиванный на цемент. И старый боцман не позабудет напомнить вам, что камень положен на свое место рукой моряка.

Прикоснитесь к нему щекой, попробуйте – может быть, он все еще горячий?..

Дальнее плавание

*Неизвестный по фамилии,
Дальних плаваний моряк.*

Не берусь объяснять, какими таинственными путями дошла к нам на Черное море эта история о неизвестном русском моряке с одного французского миноносца, затопленного ныне в Тулонской бухте. Может быть, какой-нибудь француз, ушедший из Тулона в Африку, рассказал английскому моряку, потом англичанин попал с караваном в Мурманск и там хорошо побеседовал за кружкой пива с нашим североморцем, а североморец впоследствии встретил где-нибудь в госпитале черноморца... Может, так оно было, а может быть, иначе – трудно судить.

Я лично услышал эту историю от старого боцмана Прохора Матвеевича Васюкова, человека почтенного, известного по всему черноморскому берегу. Вначале его рассказ показался мне слишком уж фантастичным; я спросил Прохора Матвеевича, убежден ли он в достоверности всей удивительной истории? Помолчав и подумав, он ответил своим сиплым боцманским голосом:

– А что же ты в этом нашел удивительного? То ли еще бывает в морской жизни!..

И я с ним согласился. Жизнь в своих прихотливых и неожиданных поворотах часто обгоняет самую пылкую фантазию, примеров тому – великое множество. Вот ведь сумел же сам Прохор Матвеевич бежать с царской каторги, с острова Сахалина, через все море на полуогнившей долбленке в Японию, а из Японии сумел пробраться в Америку, из Америки – на какие-то полудикие тихоокеанские острова. И ничего – не пропал, не сгинул, вернулся после революции на Родину, живет и здравствует по сей час. Он человек бывалый, ему и карты в руки, поэтому на все сомнения и вопросы я заранее отвечаю словами старого боцмана:

– А что же удивительного? То ли еще бывает в жизни!

Началась эта история летом 1942 года под Севастополем. Русский моряк попал к немцам в плен. Вы скажете: не может быть – моряки, да еще севастопольцы, в плен не сдаются. Так он и не сдавался: он был сильно контужен, потерял сознание и очнулся уже в плену. Фамилии его мы не знаем, но, судя по некоторым косвенным признакам, это был пожилой матрос, пришедший на военную службу из торгового флота, моряк дальних плаваний, человек широкой и просторной жизни, в довоенной мореходке которого значились и Стамбул, и Порт-Саид, и Калькутта, и Бангкок, и Марсель, и Лондон, и Сан-Франциско, и Рио-де-Жанейро, и множество других больших и малых портов. Тулон, по всей вероятности, не значился в его мореходке, – Тулон порт военный, и купцы под иностранными флагами не заходили туда. Тулон появился позднее – об этом я и хочу рассказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.